

Ольга Громыко

**ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ**

Ольга Громыко

Ведьмины байки

Москва, 2014
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Художник
В. Успенская

Громыко О.
Г87 **Ведьмины байки: Ведьмины байки; Сказка — ложь, узнайте правду!: Повести.**— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.— 378 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0475-9

Связываться с женщинами — себе дороже! Особенно если это дипломированная ведьма, развезжающая по белоруским лесам и весям в поисках работы, а пуще того — приключений. Но и от Василисы Премудрой ничего хорошего ждать нельзя! И будь ты хоть сам Кощей, брать ее в жены категорически не рекомендуется, иначе горько пожалеешь о своем бессмертии!

В общем, спасайтесь, кто может! В противном случае вы рискуете умереть... от смеха.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Громыко, 2003
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2003
ISBN 978-5-9922-0475-9

Ведьмины байки

ПИВОВОЙ

Над полуденным лугом тягуче разливался приторный аромат белого клевера. Небо, затянутое неторопливо плывущими облаками, изредка проблескивало солнечным лучом, бегущим наперегонки с тенью. Гроза прошла стороной, сверкнув молниями на горизонте и рыкнув громом на присмиривших птиц. О ее несостоявшемся визите напоминал лишь неестественно сильный и терпкий запах обманутых в ожиданиях луговых цветов, истомленных многодневным зноем.

Растянувшись во весь рост на теплой земле, заслонив лицо рукой и закрыв глаза, я нежилась посреди клеверного озерца локтях в сорока от проезжего тракта. По ту сторону дороги клевер слился в единый ковер с редким вкраплением метелок тысячелистника— идеальный привал для усталой путницы, но там паслись чьи-то коровы, позвякивая бубенцами на шеях. Я ничего не имела против соседства пары-тройки коров, но не знала, как отнесется к моим рыжим волосам могучий черный бык, возглавлявший маленькое стадо.

Итак, мы по-братски поделили это прекрасное поле и в полной гармонии с миром предавались заслуженному отдыху под трели жаворонка, треск кузнечиков да редкий перестук копыт моей лошадки, лакомящейся клевером.

Тракт безмолвствовал. Оно и понятно: начало лета — время неторговое, труженик полей и пашен

трудолюбиво полет и пашет, а то и просто лежит в теньке, потягивая квасок из берестяного жбана и сетуя: «Когда же наконец закончится эта треклятая жара!», а купец отлично понимает, что до сбора урожая с селянина и медяка не получишь, кроме как в долг.

Впрочем, тракт был наезженный, поэтому, когда вдали послышался скрип колес, я ничуть не удивилась, только поудобнее уместилась на спине.

Скрип приблизился, поравнялся со мной, немного удалился и прервался громким «тпру!» и возмущенным фырканьем лошади.

Я поморщилась, когда поняла, что обутые в лапти ноги перемещают владельца по направлению ко мне.

Подойдя локтей на семь, селянин в нерешительности остановился, переминаясь с ноги на ногу и теребя кнут.

«Чтоб ты провалился!» — с досадой подумала я, но не стала подкреплять мысль соответствующим заклинанием.

Селянин деликатно закашлялся.

— Ну? — мрачно и неприязненно спросила я, не дожидаясь, пока кашель перейдет в последнюю стадию бронхита.

— Госпожа вед... э-э-э... волшебница!

— Ну?

Селянин сообразил, что я не собираюсь открывать глаза без веской причины, каковой он, безусловно, не является.

— Дело есть,— без околичностей брякнул он.

— Ну и занимайся им,— невежливо буркнула я в ответ.— Чего тебе, мужик, надобно? Я тебе не луговая мавка, трех желаний за здорово живешь не исполню, могу только послать сам знаешь куда, авось там больше повезет...

Селянин, как ни странно, не обиделся, а как-то подозрительно оживился.

— А ежели оделю по справедливости? — с надеждой спросил он, подступая поближе.

— Эх-хаха-х... — презрительно вздохнула-зевнула я, ибо денежный селянин летом — все равно что комар зимой.— Прошлогодней картошкой и квашеной капустой не беру. Кабачки тоже не предлагайте. Не уважаю натуральный обмен.

— Почему картошкой? — как-то даже обиделся селянин.— Деньгами!

Моя память хранила тысячи заклинаний, но самым эффективным из них было, есть и будет слово «деньги». Оно воскрешает мертвых, исцеляет живых и является сильнейшим противоядием категорическому «нет». Я убрала руку со лба, приоткрыла и скосила на селянина левый глаз. Против ожидания одет мужичок был хорошо, даже щегольски — новая красная рубаха в зеленые горохи, зеленые узорчатые шаровары без единой заплаты, белоснежные обмотки и совсем новые крепкие лапти. И это в рабочий-то день! На купца вроде не похож, для сборщика налогов слишком физиономия добродушная. Н-да, загадка.

Я села и, обхватив руками колени, выжидающе уставилась на мужика:

— Три вопроса: какая работа и какие деньги?

— А третий вопрос? — робко заикнулся селянин.

— С чего ты взял, что я ведьма? — Слово «волшебница» не нравилось мне самой.

— Дык... это... — Мужичок потупил глаза.— Вид у вас, госпожа, уж больно чародейский — волос рыжий, амулеты всяческие, коняка эвон какая противная, пакость несусветная, храни меня боги...

Смолка подняла голову и прожгла селянина немигающим взглядом желтых змеиных глаз с вертикальными зрачками.

— А пуще того,— осмелел мужик,— видел племяш мой, Гринька, как ваше чародейское высочество заклятиями страшными тучу грозовую вместе с молоньями на запад повернуло.

— Так ты что, претензии предъявлять собрался? — нахмурилась я.

— Да нет,— торопливо поправился мужик.— Нам-то что... мы на земле не сидим, нам до дождя дела никакого нетути, пушай себе идет стороной, так оно даже спокойнее — не ровен час, шальная молонья в заводик шибанет.

Селянин, которому в разгар летнего зноя помешал бы дождик? Это что-то новенькое.

— Вам — это кому? — спросила я.

— Ну, варокчанам,— несколько удивленно пояснил селянин, как будто я спросила нечто известное даже пятилетнему ребенку.— Село наше Варокча зовется, слышали, может?

— А, так это вы то самое пиво варите? — сообразила я. Тогда ясно, откуда у него деньги.— Ну и что?

— Как — что? — оторопел селянин.

— Что тебе от меня надо? — терпеливо напомнила я.— И какая мне с этого будет выгода?

— А... это... — Селянин поскреб макушку.— Дело есть...

— Какое?!

— Ну дело... Леший его знает какое...

— Вот проконсультируетесь с ним — тогда и обращайтесь.— Вырванная из объятий сладкой дремоты, я раздражалась по любому пустяку.

— Дык где ж нам без вас разобраться! — взмолился селянин.— Ну госпожа ведьма, поехали со мной! Что вам, сложно? Тут недалече! Вон она, деревенька, за тем леском виднеется!

— Вот еще,— презрительно фыркнула я.— Пока не объясните, в чем дело, с места не стронусь.

— Да чего там объяснять, глядеть надобно! — убежденно заявил мужик.

— Ну хоть примерно скажите, а? — Мне уже самой стало любопытно.— Сосед по ночам на луну воет? На кладбище беспокойно? Заболел кто? Пропал? Или просто на девицу-красавицу неприступную глаз положил? Тут уж, извини, как положил, так и снимать будешь. Приворотным зельем не торгую. Отворотным — тоже. Могу предложить средство для выведения прыщей.

— Шкодник в цеху завелся,— буркнул мужик.— А что, кто — леший его знает. Потому и глядеть надеть, а не рассусоливать за глаза.

Я уже проснулась, пришла в свое нормальное благодушное состояние и пропустила мимо ушей грубоватое замечание собеседника.

— Вот с этого и надо было начинать. Ладно, поехали. Гляну на вашего шкодника.

Бородатое лицо селянина расплылось в щербатой улыбке, он торопливо сунул кнутовище под мышку и подал мне руку, помогая подняться с земли.

Приторный, кисловатый запах пивного сусла висел над деревней, как дыхание зеленого змия, чье изображение украшало вывеску над пивной. Невдалеке весело дымил трубой заводик.

Селянин, которого, как выяснилось по дороге, звали Бровыкой, притормозил у входа и суетливо обежал телегу, чтобы помочь мне перелезть через обрешетку.

Оставив телегу и Смолку на попечение заспанного мальчишки-конюшего, мы вошли в пивную, по причине раннего времени не обремененную народом. Бровыка тут же заметил какого-то знакомого и с радостным воплем полез с ним обниматься, после чего представил мне как Колота своего сводного брата и компаньона.

Колот оказался куда более расторопным и смысленным парнем. Посверкивая хитрыми черными глазами из-под шапки буйных кудрей, он рассыпался в комплиментах, поцеловал мне руку, галантно препроводил к столику напротив окна и вежливо отодвинул стул, чтобы я смогла сесть. На его фоне сводный брат выглядел неуклюжим медведем рядом с элегантным лисом.

Я с любопытством осмотрелась по сторонам. Пивная выглядела очень прилично — светлая, чисто выметенная, с резными столиками и настенными карикатурками с повторяющимся сюжетом: мужики, пьющие пиво. Все картинки были снабжены нескладными подписями вроде: «Пей пиво с утра, коль не допил вчера, а коль допил вчера, выпей и с утра».

— Пива госпоже ведьме! — заорал Колот, хлопнув в ладоши.

— И не только ей! — торопливо добавил Бровыка. — Всем по светлому!

— Мне не надо! — решительно возразила я. Пиво я терпеть не могу. Как кто-то вообще может пить эту горькую, отдающую кислой брагой жидкость цвета... хм... в общем, вы знаете.

Но мой протест не был принят всерьез.

На столе как по волшебству возникло пять высоких кружек пива с пышными желтоватыми шапками густой пены. К пиву подали традиционную закуску: куриные крылышки, запеченные в тесте, и белый пряный соус.

Мои новые знакомые жадно прильнули к заветным сосудам.

— Эх, хорошо! — заявил Колот спустя двадцать секунд, отставляя пустую кружку и вытирая запененные губы. — Удалось пивко, что ни говори!

— В самый раз, — подтвердил Бровыка, облизываясь и протягивая руку за крылышком. — Да вы пейте, госпожа ведьма, не стесняйтесь. Хорошее пиво, по старинным рецептам варено, еще прадед мой такое пиво к королевскому двору поставлял. «Шмелем» именуется, на десяти целебных травах настоянное, медом липовым приправленное.

Я робко отхлебнула из кружки... Ой... только сейчас я поняла, что жижга, которую подают в столичных кабаках, недостойна даже стоять в одном погребе с этой амброзией! Легкое, пряное, Пиво с большой буквы, оно само струилось в горло, играя всеми оттенками вкуса и запаха — от хмельной горечи до терпкой медовой отдушки.

— Ну как? — в один голос поинтересовались братья.

— Прелесть... — благоговейно прошептала я, с трудом отрываясь от кружки. — Прекрасное пиво. Просто изумительное. В жизни не пробовала ничего подобного.

Пивовары одобрительно переглянулись. Похоже, мне удалось произвести на них впечатление авторитетного специалиста.

— Итак, вернемся к нашим баранам, то бишь шкодникам,— сказала я, деликатно закусывая крылышком.— Излагайте дело, уважаемые.

— А чего там излагать? — охотно откликнулся Колот.— Сами же сказали: шкодит пакость какая-то в цехах.

— Ох шкодит... — горестно покачал головой Бровыка.

— Котлы опрокидывает,— начал перечислять Колот, загибая пальцы,— хмель рассыпает, травы перемешивает, с кринок крышки срывает и мед подьедает...

— В сусло гадит... — некстати ввернул Бровыка.

Я поперхнулась, расплескав пиво. Колот услужливо похлопал меня по спине.

— Раньше не могли сказать? — прохрипела я, с трудом отдышавшись.— И что, прямо средь бела дня... в сусло?

— Да нет, токмо по ночам,— поспешил с ответом Колот.— Днем в цехах людно, он, значит, стесняется вредить и до сумерек выжидает...

— Так в чем проблема? — рассмеялась я.— Оставляйте на ночь караульного!

Селяне разом замолкли, потупились.

— Дык... это... пробовали... оставлять-то...

— Ну и? — поторопила я.

— Уж больно тяжело для нашего брата...

— Караулить?!

— Караулить пиво да не отвеждать... — горестно признался Бровыка.

Тут уж я посмеялась от души.

— Ну, если дело только за этим... покараулю я ваши производственные площади одну ночку, так уж и быть.

— Ларька! Еще пять темного! — радостно заорал Колот, опасно клонясь влево. Бровыка вовремя поймал его за плечо и усадил ровно. — Ох, вы у нас прямо огромную каменюку с души сняли, госпожа ведьма, потому как нашему заводику крупный заказ королем даден, а мы с этим шкодником ну никак в сроки уложиться не можем. Вы уж изловите его или припугните как, лишь бы вредить перестал, а мы в долгу не останемся.

— Ловлю на слове, — заметила я, допивая «Шмеля». — Не люблю ходить в кредиторах.

— «Герольд», — благоговейно объявил Колот, когда взамен пустых кружек перед нами поставили полные. — Темное крепкое пиво, все до капли идет за границу, поставляем его аж в три государства. В столице такого пива иначе как за валюту и не достанешь.

Мы звучно чокнулись, по деревянным бокам кружек потекла пена. Мне все больше и больше нравилось это уютное заведение, и даже картинки на стенах уже не казались такими аляповатыми — наоборот, они преисполнились смысла, глубокого, загадочного и непостижимого, как само состояние алкогольного опьянения.

За «Герольдом» последовало «Пенное» и «Застольное», за ними — «Целебное». После «Целебного» народу за столиком заметно прибавилось, да и братья начали обращаться ко мне почему-то во множественном числе — «господа ведьмы».

— Вот эт-то пиво... — заплетающимся языком продолжал Колот, постукивая ногтем по краю кружки, — до того для организма полезительное, всякую хворь сни... ик!.. мает почище любого лекаря...

После чего долго пытался поймать кружку за ручку, но потом отчаялся и потребовал у корчмаря еще одну, как он объяснил, «посговорчивей».

Я тем временем вела с Бровыкой научно-теологический диспут о роли ведьм в экосистеме религии; причем я утверждала, что всех нас надо топить, а лучше — сжигать на кострах из осиновых дров, и даже предлагала совершить акт самоликвидации, а Бровыка со слезами на глазах уговаривал взять его в ученики.

Из пивной мы вышли обнявшись и зигзагами направились к заводу, поминутно спрашивая дорогу и тут же с нее сбиваясь. После многократных попыток нам удалось-таки определить, какая из трех дверей ведет в цех, разобраться с невероятно сложным устройством щеколды и попасть внутрь. Затем братья долго спорили, кто остается караулить, а я кокетливо отнекивалась и предлагала бросить жребий.

Последнее, что я помню,— это как Колот с Бровыкой безуспешно пытались убедить меня, что вон то маленькое серенькое, в большом количестве скачущее по стенам и потолку цеха,— не мракобесы, а безобидные зайчики... да, именно зайчики. Потом мы спели хором: «Ой, в лесу камыш квитнее...», а потом мои новые знакомые куда-то исчезли, а я вроде бы осталась караулить мракобесов, чтобы те не разбежались, иначе завтра нечем будет заправлять сусло...

Поутру выяснилось, во-первых, что караулить я должна была не мракобесов, а шкодника, во-вторых— пиво оказалось высшего сорта, ибо не оставило ни малейшего похмелья, как и воспоминаний о прошедшем вечере.

А в-третьих... шкодник не счел меня серьезной по-мехой.

Акт вандализма был налицо.

Хмель ровным слоем устилал землю. На стене медом пополам с сажей была намалевана дикая харя, при взгляде на которую невозможно было удержаться от беспричинного смеха. Горшки с закваской были составлены друг на друга высоченной — под потолок — изломанной башенкой, к которой я боялась даже подступить.

Больше того — мои длинные рыжие волосы оказались старательно заплетены в сотни лохматых косичек, причем заплетены намертво и восстановлению, похоже, уже не подлежали — кто-то сплел их по три волоса, потом — по девять, по восемьдесят одному и так далее.

...к суслу я не стала приноживаться...

Колот, Бровыка и незнакомый лысый мужик угрюмо осматривали цех. К моему стыду и их чести, они не упрекнули меня ни единым словом, колким намеком или укоризненным взглядом, только горестно покачали головами, оценивая нанесенный пивоварению ущерб.

— Ну что ж... — прервал затянувшееся молчание Бровыка.— Значит, надобно еще ночку покараулить, коль на сей раз не вышло...

Я потерянно кивнула:

— Всенепременно. Надо будет — и две покараулю. И три. Сколько потребуется.

— Да не переживайте вы так, госпожа ведьма,— попытался приободрить меня Колот.— Не впервой. Пойдемте лучше пива выпьем — глядишь, полегчает...

В этот момент башня из горшков с закваской рухнула к нашим ногам, кислая волна хлынула вдоль стен к дверям.

Я упрямо стиснула губы, покачала головой:

— Нет уж, благодарствуйте. Покамест воздержусь.

Колот понимающе кивнул:

— Тогда, может, в корчме со мной откусать изволите? У меня-то с утра во рту тоже маковой росинки не было, сразу сюда поспешил. А на голодный желудок оно не то что шкодника — котенка не изловишь.

Откусать я согласилась, и мы с Колотом пошли в корчму. Бровыка и его лысый заместитель остались руководить бригадой полусонных мужиков с мятыми, испытываемыми лицами, стянувшихся к заводику ко времени открытия — судя по всему, дегустаторов продукции с многолетним стажем.

За едой мы разговорились. Оказалось, в изготовлении пива принимают участие два заводика — один находится в трех верстах отсюда, в деревеньке Козья Тропка — там проращивают ячмень, потом выжаривают, отделяют ростки, а все остальное перемалывают на сусло, которое везут в Варокчу, где, собственно, и варят пиво. Помимо того Козья Тропка славится своими ячменными полями, пасаками и плантациями хмеля.

Заводик в Козьей Тропке принадлежал Колоту, варокчанский — Бровыке. Узнав о шкоднике, Колот сразу же помчался в Варокчу, чтобы глянуть, не сможет ли он чем помочь брату, но тот уже обрел свое спасение в лице прелестной, милой, доброй волшебницы (тут я смущенно закашлялась и перевела разговор на другую тему — поблагодарила за завтрак и попросила проводить меня до заводика).

На трезвую голову я решительно не узнавала помещения, в котором скоротала ночь. Попросту говоря, заводик представлял собой огромный сарай без чердачного перекрытия, уставленный котлами, в которых варили пиво. Подваренный и перебродивший полуфабрикат разливали по бочкам и их скатывали в холодные погреба для двух-, трехмесячной выдержки. Вдоль стен на треть их высоты громоздились мешки с хмелем и молотым ячменем.

Как я поняла, до ночи мне здесь делать было нечего, поэтому я поблагодарила Колота за экскурсию, оседлала Смолку и отправилась с ней побродить по окрестностям.

Невооруженным глазом было видно, что село зажиточное — сплошь черепичные крыши, свежекрасные срубы, резные наличники. Я не заметила ни одной грязной либо потрепанной одежды на встретившихся селянах: работа на заводике обеспечивала их семьям постоянный солидный доход.

Лишь один домик выбивался из общего ряда — хотя бы потому, что домиком назвать его было сложно. Хоромы — вот хорошее определение. На редкость безвкусный особнячок, выкрашенный в яркий поросячий цвет, с разнокалиберными окошками и пламенеющей черепицей. Дорогие и капризные эльфийские розы на обложенных мрамором клумбах соседствовали с неряшливыми укропными грядками. Голенастый, изрядно потрепанный петух звонко кукарекал на голове у статуи некой полуголой девицы с отбитым носом, призванной изображать не то богиню любви, не то жертву сифилиса.

Я остановилась у невысокого забора, чтобы потешить свой взор нелепым строением. Смолка немедленно заинтересовалась декоративным вьюнком, при-

чудливой вязью оплетшим штакетины, но дальше обнюхивания пока не шла.

Не прошло и минуты, как мы с лошадкой были оглушены диким ревом, издаваемым неким толстым, лысым, на редкость неприятным типом в долгополом кафтане и домашних тапочках, выскочившим из дома, как сторожевой кобель.

— Пшла прочь, бродяжка! — кричал он на бегу, брызгая слюной. — Я кому сказал? Проваливай! Неча тут шастать, воровское отродье!

Расставив ноги пошире, Смолка изо всех сил дернула зубами зеленую плеть. Забор пошатнулся от мощного рывка. Нахальный тип отпрянул от забора как ужаленный, словно опасаясь, что тот рухнет ему на грудь.

— Немедленно прекратите это безобразие! — заголосил он пуще прежнего, потрясая судорожно стиснутыми кулаками.

Я натянула поводья, не столько ошарашенная психической атакой заборовладельца, сколько опасаясь за желудок кобылы — по сопротивляемости ее зубам выюнок мог соперничать с ременной плетью.

— Убирайся вон, пока я дворню не кликнул! — сорвался на дискант неприятный тип.

— Зовите! — Я восприняла эту идею с неподдельным энтузиазмом. — Э-ге-гей, люди!

На мой зов из разросшихся кустов сирени, закрывавших вход в хоромы, вынырнули два дюжих селянина, рыжий и чернявый, всюю изображающие преданных защитников хозяйского добра.

— Скажите, пожалуйста, чей это дом? — вежливо спросила я, не давая им опомниться.

— Ну дык... эта... господина нашего... — после короткого замешательства ответил рыжий. — Да вот они

собственной персоной перед вами обретаются, Лукомир Добронрав их кличут!

— А я ведьма,— кокетливо представилась я.— Знаете, это такие вредные и злобные создания, что наводят порчу, воруют детей, превращают добропорядочных граждан в жаб и травят конями чужие заборы. Добронрав, говорите? Не похоже. Но все равно, очень, очень приятно познакомиться...

Мужичкам как-то сразу расхотелось иметь со мной дело; по крайней мере, они стянули шапки и отступили от забора, предоставив господину самому улаживать конфликт.

— Ах, так эта прелестная женщина — ведьма? — Лукомир расплылся в фальшивой слащавой улыбке.— Что ж вы сразу не сказали? Мы могли бы избежать этого маленького недоразумения. Кушай, лошадка, кушай...

Но Смолка уже охладела к вьюнку; обнюхав забор, она внезапно скусила верх штакетины и невозмутимо захрупала ею, как ребенок — карамелькой.

Благоприобретенному самообладанию Лукомира можно было только позавидовать.

— Не согласится ли госпожа ведьма разделить с ее покорным слугой скудную трапезу? — предложил он, делая вид, что на протяжении всей истории коневодства любимым лакомством лошадей были ивовые колья.

— Благодарствуйте, я уже отобедала,— в тон ему ответила я.

— Неужели даже кофейку не изволите?

— Нет, не изволю.

— А посидеть поболтать в приятной компании?

— Когда госпожа ведьма найдет приятную компанию, она обязательно вас об этом уведомит,— с изысканной вежливостью парировала я.

— И надолго госпожа ведьма задержится в здешних местах?

— Как получится.

— А может, она тут и работать собирается? — продолжал развивать мысль Лукомир.

— Собираюсь,— благодушно подтвердила я, сама захлопнув за собой дверцу ловушки.

— А вы знаете, кого его королевское величество Наум Первый уполномочил собирать налоги с, как вы изволили пошутить, добропорядочных граждан этой деревеньки? — торжествующе закончил Лукомир.

— Теряюсь в догадках.— Я ослепительно улыбнулась.— Неужели вас?!

Собеседник кивнул, поединок неискренних улыбок достиг апогея.

— Одна ма-а-аленькая ошибочка, господин Добронрав.— Я улыбнулась еще обворожительнее, и мои глаза загорелись злым желтым огнем, поглотившим зрачки.— Я НЕ добропорядочная гражданка. И слишком дорожу этим статусом, чтобы потерять его, унизившись до уплаты налогов... да еще такому жулику и прохиндею, как вы.

— В таком случае,— Лукомир тоже не погасил улыбки, что само по себе было плохим диагностическим признаком, да еще хищно подался вперед, словно желая признаться мне в пламенных чувствах,— мне придется — с превеликим прискорбием — сообщить о вашем недостойном поведении в Ковен Магов, который, без сомнения, имеет на вас некоторое влияние. Вряд ли он придет в восторг, узнав, что его смиренное чадо злобно уклоняется от священного гражданского долга — уплаты налогов. Возможно, вас даже отлучат...

— Хватит, хватит.— Я хлопнула ладонью по колену.— Сколько вы хотите?

— А сколько вы получите? — Его не так-то просто было провести.

— Мы еще не касались этого вопроса.

— Когда прикоснетесь,— он снова улыбнулся, да так, что меня мороз продрал по коже,— учтите, что цену необходимо завесить вдвое, чтобы не остаться в накладе.

— Уж как-нибудь,— презрительно огрызнулась я.— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Абсолютно все, моя красавица.— Этот мерзавец откровенно смеялся мне в лицо! — Я очень рад, что мы правильно поняли друг друга.

— Я не уверена, что у вас есть повод для радости,— веско проронила я, трогая Смолкины бока каблуками.

Остаток дня я потратила на волосы. Там, где оказались бессильны заклинания, отлично справилось репейное масло — пропитанные им косички расплелись и расчесались. Не без труда, и вид у волос теперь был уныло-обвислый, зато, как утверждала народная медицина, благотворное влияние масла на волосы должно было укрепить их и надолго сделать блестящими и шелковистыми.

«Во всем можно найти светлые стороны»,— философски заключила я, когда теплая вода в кувшине закончилась, а масло на волосах — еще нет.

Подсушив волосы, я отдала девочке-служанке мокрое полотенце и окликнула Бровыку, терпеливо ожидавшего в горнице.

— Да, госпожа ведьма? — охотно отозвался он.

— Кто этот Лукомир? Что, действительно королевский уполномоченный?

Бровыка заметно помрачнел:

— Он самый... Не знаю токмо, кто его, кровопивца, уполномачивал королёву казну со своим карманом равнять. Одно время совсем нас с Колотом налогом задавил, в убыток себе работали, завод пришлось заложить, чуть по миру не пошли, да случай выручил —

наехала в наши места королевская охота, остановилась в Варокче на ночлег, ну мы ее и приветили, как положено... Три дня привечали, все бочки из погребов выкатили — гулять так гулять. А на четвертое утро получили мы от самого короля полное и всяческое освобождение от налогов с оговоркой ежегодно по-ставлять ко двору бесплатно десять бочек пива сверх денежного заказа.

— Чем сильно огорчили Лукомира, и он решил отыграться на бедной ведьме,— докончила я.

Да, дело плохо. Угрозы шантажиста не были пустым звуком. Он действительно обладал властью, достаточной, чтобы его жалоба в Ковен не оказалась в мусорной корзине.

— Ясно. Вот что, Бровыка, мне от вас надобно... Свечей восковых — семь штук, веревки пеньковой — семь локтей и холщовый мешок попрочнее... ах да, совсем забыла. Блюдечко со сметаной.

Селянин вытаращил глаза:

— Всего-то? А сметана вам какая требуется? Медвежья, собачья аль... человечья?

Я рассмеялась от души:

— Эх, господин пивовар, вы наслушались бабkinых сказок про ведьм. Нет, мне нужна самая обычная сметана — коровья, сойдет и козья, пусть даже не очень свежая, лишь бы не совсем порченая.

Селянин озадаченно поскреб макушку:

— Экие у вас запросы... выходит, знаете, на что идете, коль загодя инструмент означили?

Я неопределенно пожала плечами.

Да, если бы не пять кружек пива, первая ночь на заводе прошла бы для меня в чтении заклинаний и обходе строеньица со всеми амулетами поочередно — ведь никто не знает, с кем придется не на жизнь, а на смерть схватиться странствующей ведьме во мгле

неспокойного сарая. Но, по счастливой случайности, я отделалась лишь переплетенными волосами, которые и позволили мне более-менее точно судить о природе шкодника. Конечно, человеку такое не под силу. А вот мелкому бесу типа подкаморника, свистуна или шуша — вполне. Эти шкодливые твари распространены повсеместно, больше в лиственных лесах, а в последнее время повадились пробираться в избы и зимовать в тепле. Иногда их не совсем правильно называют домовыми.

— Так давайте и плату сразу установим,— предложил пивовар.— Сколь вы хотите за услуги свои ведьминские? Серебром али медь тоже сгодится?

— Сгодится все... А можно натурой? — спросила я.

— Но вы же говорили... — растерялся Бровыка,— мол, ни картошкой, ни квашеной капустой... Вы не стесняйтесь, госпожа ведьма, мы люди не бедные — денюга у меня имеется, скажите, сколь надобно,— заплачу вам честь по чести. Могу вперед дать половину — вижу, человек вы надежный, чаровник правильный — не те пустословы, что драконьи зубы в ожерельях напоказ носят, а живого дракона отродясь не выдывали...

— Я-то видела настоящего дракона,— улыбнулась я.— Но сомневаюсь, что мы остались бы с ним хорошими друзьями, выбей я ему зуб. Нет, уважаемый Бровыка, дело не в застенчивости, а во взаимной выгоде. Давайте уговоримся так: вы дадите мне за работу мешок того, что я сама захочу забрать с завода. Идет?

Бровыка задумался надолго, очевидно, вспоминал, не зарыт ли у него под полом клад в золотых слитках.

— Так там же окромя хмеля да солода ничего и нетути... — растерянно пробасил он, почесывая затылок.

— Ну так чего же вы тогда беспокоитесь?

— Да неловко как-то... Хочется вам за старание воздать по-людски, чтобы никому обидно не было...

— Что вы, уважаемый Бровыка, никаких обид,— заверила я селянина, хищно улыбаясь своим мыслям.— Напротив — взаимная выгода. По рукам?

— Ну, как скажете, нехай так оно и будет,— пожал плечами Бровыка, доверчиво протягивая мне широкую ладонь.

Кто-то считает магию стезей избранных, кто-то — орудием зла.

Для кого-то она — непостижимое чудо, для кого-то — точная наука из нерушимых правил и закономерных следствий.

Кому-то она кажется пустым, глупым, изжившим себя староверием, а кто-то не мыслит без нее жизни.

Для меня это всего лишь работа, тяжелая и нудная, но нужная и интересная.

Связав концы бечевы, я выложила круг на земле и пригвоздила к ней расщепленными снизу свечками. На расстоянии протянутой руки поставила блюдо со сметаной (не удержалась и попробовала... Эх, хороша сметанка! Достоять бы ей до нужного часа!), опустилась на колени внутри круга и щелкнула пальцами, воспламеняя свечные фитильки.

И застыла, скрестив руки на груди.

В селе залаяли собаки. Кто-то не таясь, тяжелой поступью шел к двери. Скрежетнула щеколда, скрипнули петли.

— Госпожа ведьма? — В щель просунулась кудлатая голова Колота.— Госпожа ведьма, где вы? Я вам поесть принес, ночью, поди, захочется перекусить чего-нито...

Его взгляд прошелся по помещению, безучастно скользнул по мне.

— Вышла куда-то, — заключил селянин, прикрывая дверь.

Я довольно ухмыльнулась. Заклинание работало, как положено.

Вот только удастся ли так легко провести ту зверюшку, на которую оно рассчитано?

Собаки все не унимались — вероятно, учуяли лису, крадущуюся к курятнику, либо в чьей-то избе, за плотно закрытыми ставнями, происходила медленная, мучительная смена дневной ипостаси волкодлака. Будь у меня побольше времени... и поменьше знакомых вроде Лукомира, я бы задержалась в Варокче еще на пару дней. Да, занятное местечко. Весь здешний воздух был, казалось, пропитан волшебством — не злобной некромантией, не сокрушительной мощью белой магии, а неким загадочным, снисходительным и добродушным, но определенно потусторонним духом, заставляющим с жадным любопытством вглядываться в извивы мрака за пределами круга из горящих свечей.

Ох, не туда надо было вглядываться... случайно бросив взгляд на миску, я беззвучно ахнула. Сметаны в ней осталось на доньшке, да и та убывала с катастрофической скоростью, словно тая в воздухе.

У магов есть шутливая поговорка: не пойман — не бес. Действительно, пока ты не дотронулся до беса, он невидим — если сам этого хочет. Примерившись, я выбросила правую руку из круга и наугад схватила домовенка за шкуру.

Неизвестно, кто испугался больше — я, ставшая видимой с нарушением границ круга... или существо, на чью неприкосновенность я имела неосторожность покуиться.

Сказка – ложь, узнайте правду!

Повести

О БЕДНОМ КОЩЕЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

I

— Василисушка... — томно, с придыханием молвил Илья Муромец, «незаметно» передвигаясь тяжелым окольчуженным задом по зеленому пригорку на вершок поближе ко мне. Слева от Илюши протянулась изрядная полоса примятой травы.

— Чего? — мрачно буркнула я, отодвигаясь на полтора вершка. Эдак, чего доброго, пригорок и вовсе кончится и загремлю я с обрывистого берега напрямиком в Смородину-реку, а этот недотепа, чтоб его, еще кинется меня спасать и всенепрременно потонет в своей двухпудовой броне.

Вот уж точно: сила есть — ума не надо.

Ну сами подумайте: такой славный, тихий летний вечер выдался, солнышко красное воду в Смородинке до самого бережка вызолотило, лебедушки на стрежне друг перед другом красуются, а он мне тычет пообломанной булавой в Калинов мост и бает, в каких страшных мучениях подыхало обезглавленное им чудо-юдо. Дескать, «кровища аж до самого тридевятого царства волной в берега плескала». Нет бы рассказать предмету своей страсти баснь о далеких странах, о чудесах заморских... на худой конец объяснил бы, как водяная мельница устроена, а то давно любопытствую, а растолковать некому: батюшка царь государственными делами занят, третий день пьет в тереме меда хмельные с послами заморскими, бояре

сами толком не знают, а сестрицам моим сие неинтересно. Им лишь бы наряды примерять да в тех нарядах перед царевичами-королевичами красоваться. На худой конец перед богатырями вроде Муромца юбками вертеть. А от него, между прочим, так потом разит, что только у реки на ветерке сидеть и можно. И в бороде капуста из щей позапутывалась. Ну вот, теперь еще обниматься полез! А ручищи-то волосатые аж до самых ногтей, ногти пообломанные, и грязь под ними позапрошлогодня пластами лежит, хоть ты паши да пшеничку сей. Еще приснится ночью, подушкой не отмашешься!

— Ты чаво?!!! — реву я грубым голосом деревенской девки, запоздало смекнувшей, зачем пригожий молодец позвал ее в амбар.— А вот батюшке скажу, он уже тебя!

Врал, наверное, про чудо-юдо. Испугался царского гнева, аж поджилки затряслись. Дескать, я его «неправильно поняла», он, видите ли, только «комарика зашибить» намеревался. Да к нему комарик на версту не подлетит — упадет замертво!

О, наконец-то! Нянюшка с чернавками идет! Думали, я тут за три часа зазябну и к груди богатырской прильну погреться? А шиш вам! Пусть лучше меня насквозь ветром продует, комары заживо съедят, а к Муромцу на плечо голову не склоню, не дождетесь!

Как же мне надоели эти богатыри, царевичи, королевичи, боярские детки, один другого ядреней... У батюшки семь жен, тридцать дочек, чего он ко мне прицепился? Видите ли, «самая удалая, самая любимая, вся в него пошла». Вот пусть сам замуж и выходит, раз вся в него! Какая царевичам-королевичам разница, кого в жены брать, лишь бы полцарства за ней давали, как за мной. К одной шестидесятой они не больно-то

сватаются, из двадцати девяти сестер только пятерых на свадебных возках и умчали. Зато — по любви. А есть ли она, та любовь? Мне уж точно не светит, даже лучика не кажет. Сорок сороков женихов за два года переглядела, ни один не приглянулся.

Вот батюшка ругается — мол, уж больно я переборчивая. Да моя ли в том вина? Взять того же Муромца — только мебель в тереме двигать и гожд, с ним цветочки в лес нюхать не пойдешь, в игру берендейскую на клетчатой доске не сыграешь, стихи складывать не умеет, а чужие сказывать начнешь — засыпает. Зато, батюшка говорит, враги нас бояться будут, коль у него в зятях сам Илья Муромец числиться будет. Как же, держи подол шире! Кто этого Илью боится? Только те, кто его издали видал, близко к врагам он не подходит, чтобы не зашибли ненароком!

Иван-царевич намерен сватался, да у него на лбу написано, что его в детстве из люльки роняли... а люлька та на колокольне висела. Говорят, вся челядь за глаза кличет его не царевичем, а... в общем, не великим разумником.

Васька Соловей зимой сватов засылал. Этого батюшка сам прогнал, еще и Муромца натравил. Оказалось, Соловей под шумок корону запасную, самоцветную, из сокровищницы спер, клеймо вытравил и шамаханам в тридевятое царство продал. Разбойник, что с него возьмешь...

Купец один подкатывал — Емеля Попович, что ли? Принес в подарок щуку трехсаженную, не знали, куда ее деть, ни в одном ларе со льдом не помещалась, так во дворе до весны и провалялась, пока не стухла. Под угрозой лишения головы заставили купца забрать ее обратно, дабы царевы коты не отравились.

Сами видите, выбор не велик, да стоять не велит— семнадцатый годок мне уж стукнул, еще месячишко-другой, и все: обзовут перестарком, не захотят заморские державы через меня с царем Еремеем родниться — коль красная девка о восемнадцати веснах замуж не выскочила, значит, что-то тут нечисто. И будь я хоть трижды Василиса Премудрая, Прекраснейшая из царевен Лукоморских, никто в мою сторону и не по-смотрит.

Илья Муромец предпринял последнюю отчаянную попытку вытеснить меня с пригорка, но я резво вскочила на ноги и побежала навстречу нянюшке.

— Ах ты, дитятко мое бедное! — воркует нянюшка, а сама на Муромца глазом косит: ну как? Растаяло сердечко девичье али сызнова упрямая царевна от ворот поворот дала? — Зазябла, поди? Ручки-то какие холодные... Вот, накинь-ка платочек пуховый, мигом согреешься...

— Нянюшка, да какой платочек? — возмущаюсь я.— Лето на дворе, с Ильей рядышком сидеть никакой мочи нет — кольчуга на солнце накалилась, так жаром и пышет. Пойду-ка я лучше в терем, скажу чернавкам, чтобы воды в бадью натаскали — ополоснуться.

Нянюшка огорченно вздохнула. Хорошая она у меня, добрая, ласковая, только вот никак в толк взять не может — лучше уж совсем без мужа, чем за абы каким всю жизнь маяться.

А в тереме — беготня, крик, суматоха! Изловила я за полу боярина, мимо пробежавшего, к ответу призывала. Боярин длиннобородый царевне перечить не осмелился, разъяснил сбивчиво: приехал, мол, к царю Кощей Бессмертный свататься... тьфу, к дочкам царевым, сестрам моим сводным, оттого и переполох

великий. Кошей вот-вот явится невесту себе выбирать, а в тереме до сих пор не прибрано, у батюшки царя борода с обеда не чесана, корона не полирована, речь не заготовлена.

Отпустила я боярина, он дальше побежал, да забавно так: опрометью мчаться чин не позволяет, челядь засмеет, вот он и старается: спины не гнет, руками не машет, только коленки высоко подкидывает. По мне, так еще смешнее выходит.

Меня в залу тронную не звали — сама мимо стражников прошмыгнула, встала за тронном царевым. Се-стренки мои сводные уже все вдоль стеночки рядом выстроились, в праздничные сарафаны вырядились, косы золотыми лентами переплели, кокошники жемчужные натянули... было бы для кого! За неполный год сменилось у Кошея шесть жен, больше месяца ни одна не продержалась. Сорок дней, душегубец, в трауре походит и снова к царским дочкам сватается. Трижды с Берендеем породнился, трижды с Горохом, теперь и до нашего Лукоморья черед дошел. Известно, дочерей у царей — как слив в урожайный год, только успевай с рук сбывать, пока в самом соку и червиветь не начали. На всех не то что царевичей — приданого не напасешься! А Кошей сам за невесту богатый выкуп дает, три пуда золотом, вот цари и рады стараться — отжалекот чернокнижнику пару-тройку детищ бесчисленных, и ладно, а там пусть он их хоть с маслом кушает, лишь бы в зятях значился. Убыток невелик, зато польза для государства немалая — не полезут на стольный град поганые басурмане, если знают, что сидит-посиживает между градом и степями привольными такой вот Кошей с дружиной. Любимиц-красавиц вроде меня, конечно, Кошеям так просто не

отдают, потому и о смотринах известить не удосужились. Не прогнали — и на том спасибо.

Пока я так размышляла, вошел Кошей, а с ним главный воевода всего войска Кошеева, видом грозен, но ликом пригож — темнокудрый, нос с горбинкой, губы кривит насмешливо, точно не в царский терем, а в село на посиделки выбрался.

А вот Кошей подкачал. После Ильи Муромца — свежего, румяного, упитанного (чисто поросенок печеный) — и глядеть-то не на что. Ростом, пожалуй, повыше меня будет, да толку в том росте — кожа, кости да жилы сухие. Истинно — сдыхоть, в чем только душа держится?

Тут Кошей мельком глянул в мою сторону... я так к земле и приросла, только что корни со страху не пустила. Очи Кошеевы от колдовства-то повыцвели, белесыми стали, как снег в редкой тени, а уж зрачки — словно кто пищаль взведенную прямо в лоб нацелил. Жуть! Отвернулся чернокнижник, пошел дальше. Черный плащ полой по полу шебуршит, седые волосы по плечам гривой рассыпались. Вот уж не повезет которой...

А Кошей долго и не раздумывал. Один только раз вдоль ряда прошелся, с воеводой переглянулся понимающе, пальцем ткнул:

— Эту.

Марфуша как заревет — собаки на псарне лаем зашлись! Голосище-то у моей сестренки, как у протодьякона, бас пуще коровьего... Мамки-няньки давай ее утешать, пряники сахарные под нос совать. А Марфуша и через пряник реветь умудряется, да громко так, сердито! Тогда мамки-няньки ее под белые рученьки — да вон из залы, чтобы жених, чего доброго,

не передумал, повнимательнее к невесте приглядевшись.

Батюшка выбором Кощеевым дюже доволен остался — навряд ли еще кто на Марфушу польститесь, само то он к ней и на версту бы не подошел, ну да дело вкуса.

— А что,— говорит царь с искусным намеком,— есть ли у тебя, зятек, на что пир свадебный справить?

Хлопнул Кощей в ладоши, глядь — откуда ни возьмись явился у трона царского сундук кованый, резьбой дивной изукрашенный. Три пуда обещанных.

— От слов своих не отказываюсь, да мне на пиру гулять недосуг, достанет и обряда венчального.

— Нет, совсем без пира нельзя,— уперся царь.— Что это за дела — свадьбу царевой дочери не отметить? Либо через неделю пир горой закатим, как только стряпухи кушаний всяческих наготовят, караваев напекут, либо, если тебе так уж невтерпеж, одним махом две свадьбы сыграем — завтра дочь моя любимая, Василисушка, за Илью Муромца выходит.

— Завтра так завтра,— согласился чернокнижник, вдругорядь в ладоши плеснул — в сундуке крышка сама собой распахнулась, батюшка только ноги поджать успел, а там — золота да камней с горкой насыпано.

— Что-о-о?! — подавилась оканьем «любимая дочь Василисушка». — Какая такая свадьба? Какой Муромец?!

Выскочила я из-за трона, очами грозными на батюшку сверкнула, бока руками подперла. Царь так в спинку и вжался, корона на лоб сползла. Я-то не Марфуша, я реветь не буду, как приложу ручкой белой да по уху — мало не покажется!

— Эх ты, батюшка, ловко за моей спиной распорядился, меня не спросив! А я-то думаю, с чего бы это Муромец за мной третий день хвостом ходит, как соломина, к каблучку приставшая! Ан вон оно что! Женишком себя возомнил, борода капустная! Шиш ему!

И показала шиш. Бояре так и охнули. Царь шиш у себя из-под носа отодвинул аккуратненько, Кощейю поясняет виновато:

— Это она от радости неожиданной в уме чуток тронулась, скоро охолонет.— И мне сквозь зубы: — Василиса, уйди добром, не позорь меня перед послами заморскими! После поговорим!

— Нет уж, я сейчас скажу, чтобы все слышали — не бывать завтрашней свадьбе, пушай Кощей с Марфушей вместо меня гуляют, а я за Муромца не пойду, и весь сказ!

— Пойдешь как миленькая!

— А вот и не пойду! — Я ножкой как притопну, у батюшки корона так с головы и покатилась, еле подхватить успел. Воевода Кощеев ухмыляется — виданное ли дело, девка встрепанная на царя войной пошла!

— В темнице сгною! — неуверенно пообещал царь, привыкший пугать бояр да челядинцев.

— Что-о-о?!!!

— В покоях запрю! — торопливо поправился батюшка.— И сластей давать не велю!

Смотрю — кивнул стражникам, те, стыдливо потупившись, уже ко мне подступают. Страхнула я руки постылые, спину гордо выпрямила, развернулась — только коса по воздуху свистнула, корону батюшкину наново сбила — да и прошла прочь из залы, сам Кощей посторонился, меня пропуская.

— Попадись мне только Илья Муромец — голыми руками на клочки разорву, не посмотрю, что богатырь! — бушевала я, расхаживая взад-вперед по горнице, для наглядности разрывая пополам подвернувшийся под руки платочек. Муромец, не будь дурак, где-то схоронился до завтра, весь терем обегала — не нашла.

Нянюшка с причитаниями семенила следом:

— Да что ты, Василисушка, такое говоришь! Все сестры тебе завидуют, все купчихи-боярыни слезами обливаются, все холопки по Илюше сохнут — такой справный молодец тебе достался! За ним как за каменной стеной будешь!

— За стеной каменной? В темнице, что ль? — Не унял платочек моего гнева, примерилась я к вазе расписной из глины заморской, фарфоры по-ихнему.

— Бог с тобой, дитяtko! — чуть не плачет нянюшка. — Не убивайся ты так, касаточка моя! Девки, они всегда перед свадьбой страсти всякие себе надумывают, а опосля первой брачной ночи тихими да ласковыми становятся... Портнихи царевы тебе уже платье венчальное сшили, до того красивое, прямо дух захватывает, поди-ка примерь!

— Этот проходимец у меня до первого брачного утра не доживет! — И хрясь вазу об пол, только осколки брызнули, а вперемешку с ними — огрызки яблочные, корки от пирогов подгорелые, скорлупа ореховая, мышь дохлая — то-то мы с сестрами гадали, отчего в горнице вторую неделю тяжелый дух стоит!

— Не разумеешь ты, Василисушка, своего счастья, — совестит меня нянюшка, — вон Марфушу и во все за Кощея просватали, однако ж она не упирается, отцу — срамотища-то какая! — прилюдно шишей не кажет!

— А что ж она так ревела, коль согласная? — Вторая ваза — на пол. Горлышко у ней поуже, потому и мусор мелкий — шелуха подсолнечная.

— От радости великой! — сама себе перечит нянюшка — только что сестру в пример ставила.

— Еще бы ей не радоваться, от Кощея хоть потом прошлогодним не смердит!

Перебила я всю фарфору — успокоилась. Кликнула чернавку, та пол подмела чистенько, новые вазы из кладовки принесла, от паутины протерла, по местам расставила. Невелик убыток — всяк гость, на пир царский едучи, вазу в дар оставить норовит, тоже кем-то подаренную. Вазы еще куда ни шло, в них хоть крупы да меды хранить можно, а вот картины царь прямо на помойку возами вывозить велит. Есть у меня подозрение великое, что с той помойки картины живо разбирают и вдругорядь нам дарят.

Услала я нянюшку за кваском, сижу, думаю думаю. Не пойду за Муромца — отец, глядишь, и впрямь затворницей сделает, хорошо, если на неделю, а там другого жениха подыщет, того же Ивана-царевича, тьфу-тьфу-тьфу, где тут деревянное что — постучать от сглаза? Пойду сама себя схороню на веки вечные...

А батюшка тут как тут — брови, видать, загодя перед дверями нахмурил, духу набираясь. В руке листок с речью комкает, мне на усовещивание волхвом написанной, начало вспоминает:

— Василиса, дочь моя единокровная, тебе, как царевне наследной, хорошо ведомо, что интересы государства требуют как можно скорейшего твоего замужества, ибо в настоящий момент у официально царствующего лица, то бишь меня, наблюдается плачевное отсутствие наследников мужского пола, а посему трон мой перейдет только ко внуку, коего еще и в

помине нет. Твоя свадьба с Ильей Муромцем является стратегически важным политическим шагом в укреплении престижа нашего государства, способствует повышению авторитета у простого народа...

— Чего-чего там у народа повышается? — не поняла я.

Царь, как видно, и сам толком не знал, волхвом подученный. Кашлянул батюшка смущенно, поскреб в затылке, простыми словами заговорил:

— В общем, выходи за Илюшу сей же час, а не то худо будет!

Я только плечиками свысока передернула:

— И стоило из-за эдакой малости сыр-бор городить? Надо — выйду, только упреждать изволь заранее, а не накануне свадьбы, я и подруженек-то на девичник скликать не поспела...

Царь с листком сверился — непорядок: там еще уговоров сорок строк, а дочь уже согласная. Пропустать жалко: сам, когда в первый раз читал, их силе да разумности дивился.

— На,— говорит,— почитай на досуге, а я к Марфуше еще схожу, а то как бы она... от радости великой... не удавилась.

Толстые в тереме двери, добротные, а махонькая щелочка всегда найдется. Прильнула я ухом, слушаю.

Ц а р ь (*убедительно, с другого листка*). Ты, Марфуша, оставь эти свои средневековые предрассудки. Это раньше мы колдунов на кол сажали, а теперича они у нас самые что ни на есть уважаемые граждане, стратегически ценные субъекты, их на кол ни-ни! Тем более он все равно бессмертный...

М а р ф у ш а (*с ревом*). Он уже шесть жен загу-би-и-ил!

Ц а р ь (*оптимистично*). Ну вот видишь, семь — число счастливое! А почему ты знаешь, что он их загубил? Может, он шибко до ласк охочий, а жены все изнеженные попадались, не сдюжили? А ты у нас девка видная, в теле, сразу ему приглянулась, авось через годик-другой и Кощееночка деду на радость принесешь...

М а р ф у ш а (*недоверчиво шмыгая носом*). Да-а, по нему не скажешь, что охочий — глиста бледная, костлявая, даже борода толком не растет!

Ц а р ь (*задумчиво*).— Может, он в детстве болел много?

М а р ф у ш а (*снова заливаясь слезами*). Тятенька, я его боюсь! У него лицо страшное!

Ц а р ь (*преувеличенно бодро*). Как говорится, с лица воды не пить! А бороду нынче брить ничуть не зазорно, даже модно. Так что, Марфуша, вот тебе мое отеческое благословение, а заодно и царский указ: чтобы завтра к обеду причесалась-нарядилась-нарумянилась, будем тебя замуж выдавать. И не реви, кому говорят!

М а р ф у ш а (*назло, что есть мочи*). Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Царь, заткнув уши, выскочил из горницы, я едва успела за дверью схорониться.

Только батюшка подальше отошел — я в опочивальню прошмыгнула. Н-да... сестрица моя и так, честно говоря, красотой не блещет — рябая, простоватая, нос картошкой, уши лопухами, — а зареванная и вовсе почище пугала огородного будет. И что в ней Кощей нашел? А уж в теле так в теле, двумя руками не охватишь, разве что за шею...

— Будет тебе реветь, — говорю, — хочешь богатыря в законные мужья?

У Марфуши разом слезы высохли.

— Что? — не веря своим ушам, переспросила сестричка.— Это как?

— А так.— План у меня был очень простой.— Я не хочу выходить за Илью Муромца, а ты — за Кощея. Давай обменяемся женихами!

— А вдруг они не согласятся? — не поверила Марфуша. Ох и глупа же моя сестрица! Под стать Ивану-царевичу.

— Да мы их и спрашивать не станем,— терпеливо объяснила я.— Под покрывами венчальными подлога не заметят, а там поздно будет, развезут по теремам как миленькие.

Сестру долго уговаривать не надо! В детстве, помню, убежим с ней вместе в лес, найдем каких ни есть ягод, Марфуше только скажи — съедобные, так она, не задумавшись, до того ими укушается, что волхв потом только за голову хватается, царскому дитяти желудок прочищая.

На том и порешили.

Ночью, как челядь спать полегла, сбежались мы с Марфушей в одну комнату и давай хозяйничать при лучинах! Сделали из двух подвенечных платьев полтора да половинку — от Марфушиного нижние юбки отпорол, к моему подшили, чтобы пышнее казалось. Стала я в том платье толще Марфуши, а Марфуша в урезанном со мной сравнялась. Верх решили не трогать — все одно его под покрывами не видать, а ростом мы ровные. Обменялись бусами, веночками. Едва до петухов успели. Помогли друг другу обрядиться, платья сзади застегнуть, покрывы ровно приладить, чтобы чернавки поправлять не надумали, да и разошлись по опочивальням — Марфуша в мою, я в Марфушину.

Только солнце ясное луч в окошко кинуло, набежали мамки-няньки, сестренки-подружки, давай при-

читать, как исстари заведено. А мы все молчим да отмахиваемся, близко к себе не подпускаем, дабы обман наш не раскрылся. Хорошо, никто не обижается, не настаивает. Все понимают: невесты и без того в волнении великом, не спалось им, горемычным, всю ночь одевались-прихорашивались, чтобы в срок к венцу поспеть.

Пока собирались, слух прошел: женихи приехали, ждут в тронной зале. Подружки заторопили — выходить пора! Так во мне все и перевернулось-захолонуло. Я, Василиса Прекрасная, да за Кощея Бессмертного замуж выхожу! Ужас-то какой! Потом вспомнила Илюшину бороду — враз полегчало. У Кощея хоть мучиться недолго буду.

Свели меня вниз по лестнице, к зале тронной. В покрове щелка махонькая, прямо перед собой вижу, а ноги где-то там внизу остались, на каждой ступеньке спотыкаются, няньки-мамки охают, под ручки крепко держат.

Распахнулись двери створчатые, ступила я за порог несмело.

А гостей в терем набилось — зала только что по швам не трещит. Съехались отовсюду дальние родственники, сбежались ближние, батюшка заграничных послов пригласил, чтобы на приемах сэкономить, не проставляться отдельно. Все подружки мои да Марфушины тут как тут, челядь любопытная работу побросала, даже ключница, бабка столетняя, приковыляла на невест посмотреть. А чего там смотреть? Красный покров до пояса, ниже юбки сборчатые до самой земли, а за ними хвостом крысиным шлейф по полу волочится, пыль подметает.

Заиграли дудошники да гусяры, затянул венчальную двухдюжинный хор, кто-то меня в спину толкнул,

и пошла я одна-одинешенька по дорожке ковровой, предо мной раскатанной. Гляжу — из двери напротив Марфуша выходит, ступает меленько. Дорожки в один угол сходятся, и стоит в том углу волхв с посохом вербным, омелой украшенным, книгу в руках держит ветхую, по коей еще мою прапрабабку венчали. По обе руки волхва женихи наши стоят. Муромец кафтан красный с золотом напялил, кочетом выступает, в баньке ради такого случая попарился: щечки разрумянились, кудри встопоршились, борода венником распушилась. А Кошей все в том же плаще, только рубаху сменил, позевывает украдкой.

Что там волхв говорил, я толком и не слушала. На Кошееву руку правую дивилась: покривленная она какая-то, иссохшая, и пальцы вроде с трудом гнутся. Кошей все ими в воздухе перебирал, разминал.

Тут шум в зале поутих, все почему-то на меня уставились. Батюшка вперед подался, Кошей глянул удивленно. Никак пропустила что?

Волхв терпеливо повторил:

— ...согласна ли ты, Марфа Еремеевна...

— Ыгы,— невнятно пробурчала я, подражая Марфушиному басу, и скоренько ткнула большой палец в подставленное Кошеем кольцо — на безымянном сестрин перстенок браслетом повиснет. Батюшка выдохнул облегченно, на спинку трона откинулся.

— ...согласна ли ты, Василиса Еремеевна?..

— Да!!! — как можно тоньше пискнула Марфуша, кокетливо протягивая Муромцу мизинец.

— ...во имя солнца и луны, неба и земли объявляю вас мужьями и женами! — торжественно заключил волхв, со стуком опуская посох.

Гости заулыбались, зашушукались, царь пустил слезу. Мы с Марфушей повернулись к новоиспеченным мужьям и одновременно откинули с лиц покровы.

Что тут началось! Все бегают, всем весело. Батюшка скипетр уронил, волхв так на пол и сел, гости кто охает, кто хихикает, Муромец ревет белугой, от Марфуши отмахивается, а та все норовит законного супруга в губы лобызнуть. Кощей глаза вытарашил, застыл, чисто ерш во льду, с лица своего бледного спал, только губами чуть шевелит. Воевода Кощеев смотрел-смотрел, да как захохочет! Так пополам и перегнулся, по коленям себя бьет, приговаривает:

— Вот те раз! Ну и дела! Хорошо, не ключницу подсунули!

Кощей — на батюшку:

— Ты что же это, царь, шутки со мной шутить удумал?! Забирай свою пигалицу вертлявую, отдавай мою нареченную!

В о л х в (*сокрушенно*). Увы, венчальный обряд свершен по всем правилам, и расторгнуть ваш брак может только смерть одного из супругов... Вам, молодой, это, по всей видимости, не грозит...

Ц а р ь (*распаяясь на глазах*). Не смей оскорблять мою любимую дочь, ты, зять худосочный! Стража!!!

Стража не торопилась на место свадебных действий, пугливо жалась за дверью, поглядывая на разъяренного Кощея.

В о е в о д а (*покашливая-отсмеиваясь*). А какая тебе, Кощей, разница? Бери эту, и пошли отсюда. В другой раз ту возьмешь...

Тут мне сразу стало как-то не до смеха. А Кощей протянул руку, не глядя схватил меня повыше локтя и поволок за собой прочь из тронной залы. Покров

слетел с моей головы и остался на полу ярким алым пятном.

Началась моя недолгая замужняя жизнь...

II

Прямо за порогом терема батюшкиного стоит возок свадебный, шестерней запряженный. Пока венчание шло, подружки его лентами изукрасили, мальчишки дворовые кошку дохлую к задку на веревке привесили — на счастье. Около возка дружинники Кошечевы при конях оседланных караул несут. Увидали меня — рты разинули, молодого поздравлять не решаются. Кошей и сам не рад, как дело обернулось, поскорее усадил меня на возок — и ходу. Воевода правит, Кошей рядом сидит. Разговаривают вполголоса, на меня даже не глядят. Дружинники по бокам скачут, чтобы я, чего доброго, по дороге не спрыгнула. Не дождутся! Сам женился, теперь сам пушай и мается!

Долго ли, коротко ли ехали, глядь — стоит в чистом поле терем Кошечев, двухрядным частоколом обнесенный. Свистнул Кошей, распахнулись ворота железные, влетела шестерня во просторный двор, и ворота вслед затворились. Вышла на крыльцо старуха древняя, каравай румяный на полотенце вынесла — молодых привечать.

Разглядела меня — каравай хлоп в грязь! Как накинется старуха на Кошея — да полотенцем его по спине, по шее!

— Ты кого привез, черт шепутной, куда глаза твои окаянные глядели?! На такую красу руку поднял, чтоб она у тебя вконец отсохла!

Воевода на выручку Кощею спешит, полотенце изловил и к себе тянет:

— Ты, Прасковья Лукинишна, погоди казнить, сперва накорми-напой, в баньке попарь, спать уложи, опосля и бранись — у нас и без того день тяжелый выдался.

У бабки и на воеводу брани достало.

— Ишь, заступничек выискался, знаю я тебя — сам небось и подучил! Ой, девонька, а ты ж такая молоденькая, тебе бы еще жить-поживать, ить загубили злыдни лютые...

— Она сама кого хошь загубит... — ворчит Кощей, норовя мимо бабки в терем прошмыгнуть. — Поговори ты с ней, Черномор Горыныч, сил моих больше нет...

И воеводе что-то в руку вложил, серебром блеснуло.

Старуха тут же полотенце выпустила, заохала жалостливо:

— Костюшенька, да ты не приболел, случаем? Не ровен час, ветром по дороге продуло? Пойди приляг, касатик, а я тебе кисельку малинового наварю, с медком летошним покушаешь...

Не успела я опомниться — остались мы на крыльце вдвоем с воеводой, старуха вредная еще и дверь перед нами захлопнула, побежала Костюшеньку своего ненаглядного кисельком отпаивать. Куда я попала?! Мужу на меня глядеть тошно, челяди дела нет, до смерти четыре недели осталось...

А воеводе все веселье.

— Ты, Василиса, на стряпуху нашу с обидой не гляди, она бабка сварливая, да отходчивая. Сейчас чернавку съедем, она тебя в опочивальню проводит, вещи занесет. Не печалься, все уладится.

Кликнул воевода, прибежала девка рябая, работающая, поклонилась низенько, назвалась Матреной. Ве-

шей-то у меня кот наплакал, только то, что гости перед венчанием в возок положить успели, чтобы в залу с собой не тащить: вазы всенепременно, четыре штуки, клетка золотая — намек чей-то глупый, сапожки, на Марфушу шитые, — две ноги в голенище уместятся, каблучки не подковками — подковами лошадиными подбитые, бусы корундовые в шкатулочке, да из сверточка малого кружева выглядывают.

Пошла я за чернавкой, и воевода следом. Богатую мне опочивальню Кощей выделил, просторную да светлую, кровать под пологом кружевным семью перинами укрыта, на них семь подушек горкой уложено, полстены зеркалом в раме картинной занято, а под ним — столик с притираниями и духами заморскими в пузырьках хрустальных. Пока чернавка вещи носила, воевода, наказ Кощеев выполняя, такой разговор повел:

— А теперь, Василиса Еремеевна, слушай меня внимательно да на косу, в отсутствие уса, мотай. По терему и во дворе ходи свободно, делай что душеньке твоей угодно, челядью командуй смело, гостей принимай, в чем нужда возникнет — наряд там али перстенок какой, — у Кощея попроси, он не откажет, но сама за ворота — ни ногой и цепочку эту носи не снимая, иначе — смерть. Поняла?

Протянул воевода мне цепочку — звенья серебряные, подвеска изумрудная, в виде черепа обточенная, изнутри огоньком живым подмигивает.

— Поняла, — говорю, — а вы с Кошеем по очереди за воротами с топором караулить будете?

И что я такого смешного сказала? Воеводу пополам согнуло.

— Нет, Прасковью Лукинишну приставим! — наконец отвечает. — Выбрось-ка ты из головы эти глуп-

пости, делай, как велено, и никакой беды не приключится.

Застегнула я на шее цепочку, а прежде кольцо обручальное на нее привесила — все равно с пальца сваливается. Подумаешь, могу даже из терема не выходить, если только за тем дело стало, да вот гложет меня сомнение великое в словах воеводининых...

Что творится между мужем и женой под покровом первой брачной ночи, я не раз слыхивала. Замужние сестры баяли. Накануне свадьбы нянюшка, правда, пыталась мне что-то втолковать касательно тычинок и пестиков, но сама запуталась и, махнув рукой, под конец сказала: «В жисть не поверю, чтобы молодые сами не разобрались!»

Вот и разбираюсь. В гордом одиночестве, на прибранной кровати. Светец едва тлеет, скоро угаснет. Чернавки особой ко мне не приставили, сменить лучину некому. Я сидела на краешке кровати в роскошной кружевной сорочке — свадебный подарок посла некой заграничной державы, с которым батюшка благополучно допился до бессрочных кредитов, — потирала друг о дружку зябнущие пятки и злилась все больше. Мой законный супруг почему-то запаздывал с отдачей первого супружеского долга. Сначала я со страхом прислушивалась к тишине за дверями — пушай только заявится, уж я ему покажу кузькину мать, чтоб вообще дорогу к моей опочивальне забыл! — потом ожидание начало раздражать. Он там бродит невесть где, а я его ждать должна, очей не смыкая? И спать вроде как-то неприлично, первая брачная ночь все-таки...

Ближе к полуночи я смекнула, что Кощей решил ограничиться взаимозачетом. Мне тут же расхотелось

спать. С какой это стати меня, царскую дочь, прекраснейшую из царевен Лукоморья, с первого же дня обделяют прелестями супружеской жизни?! Прелести, конечно, сомнительные, тем паче опосля батюшкиных домыслов касательно моих померших предшественниц, но до чего же обидно!

Я решительно прыгнула с кровати. Не так велик Кошечев терем, чтобы не сыскала я его опочивальни. Да и луна в окошки слюдяные светит, подсобляет. Ткнулась в одну дверь — гостевая, прибрана чистенько; в другую — воевода на кровати спит, храпит с подвыванием, воров, видать, отпугивает; в третьей оружие по стенам развешано, на полу шкура волчья пасть раззявила. В четвертой комнате сам Кошей сыскался — не иначе сон дурной ему видится: зубами поскрипывает, ворочается во сне, на самый краешек постели переметнулся. Ну погоди ж ты у меня, супруг богоданный!

Да как сдерну с него одеяло, как вспрыгну на кровать — только доски затрещали!

— Вставай, — говорю, — пробил час расплаты!

Кошей подорвался спросонья, да так на пол кубарем и покатился! Хотел вскочить, глаза толком не продравши — о низ кровати головой ударился, только гул пошел. Выбрался наконец, на меня глядит осовело:

— Ты что, Василиса, очумела? Чего тебе посередь ночи от меня надобно?

— А того, — отвечаю, — и надобно, за чем справные мужья сами приходят, а не под одеялами в исподнем хоронятся! Отдавай сей же час долг положенный, пока на него двойные проценты набежать не успели!

— Вот еще, — начинает злиться Кошей, шишку на затылке потирая, — я тебя в третий раз вижу, а расписок долговых и вовсе не упомяну! Иди-ка ты отсюда

подобру-поздорову со своим липовым долгом, мне до него дела нет!

И руку ко мне тянет — с кровати сдернуть. Я его — подушкой:

— А неча было жениться, коль чреслами слаб!

Не стерпел Кощей такого поношения, осерчал вконец:

— Да при виде такой ведьмы и каменный мост провиснет! Ишь, вынь да положи ей супружеский долг, а у самой-то, поди, давно закрома нараспашку: заходи, кто хочет, бери, что надо!

Задохнулась я от обиды незаслуженной:

— Тебе до моих закромов дела нет, не про тебя они опечатаны! Попробовал бы только отомкнуть — враз без ключа остался! Ничего мне от тебя не надобно — ни долгов, ни кредитов, — поглядеть только хотела, как ты отбрехиваться будешь!

— Нагляделась? — спрашивает Кощей.

— Нагляделась!

— Тогда вон отсюда!!!

Рукой в воздухе мелькнул, опочивальня словно туманом речным подернулась, а как развеялось наваждение — стою я в коридоре, и перед самым носом — дверь запертая.

Бухнула я в нее от души ножкой белой:

— Ну погоди, Кощей, я тебе припомню, как законную супругу из опочивальни выставлять, договорить не давши! А ну открывай сей же час, пока я весь терем не переполошила, то-то челядь потешится, что хозяин от молодой жены за семью запорами схоронился!

Распахнул Кощей дверь, встал на пороге, чтобы я сызнова в опочивальню не прошмыгнула. Выше меня на целую голову оказался.

— Ты мне не супруга, а подменыш обманной, век бы тебя не видать! Что ж ты на мою голову навязалась, коль и я тебе не люб? Шла бы в терем к Муромцу, у него, поди, ключ богатырский, амбарный!

— Чтобы ты Марфушу, сестрицу мою любимую, со свету сжил, как прочих жен? Не бывать тому! — И дверь на себя тяну, больше из упрямства — ничего мне в опочивальне Кощеевой не надобно.

— Никого я не сживал! — сердится Кощей, дверь изнутри подпирая. — Из-за глупости своей сгнули, и по тебе видать — недолго протянешь!

Потягали мы дверь, Кощей переборол и вдругорядь защелкнул.

Стою я в коридоре — смех разбирает. Вот те и первая брачная ночь! Упарились оба, чуть кровать не сломали, а толку? Раньше я его боялась, теперь, кажись, друг дружку. Хотела было еще в дверь постучать — раздумала. Чего доброго, и впрямь челядь набежит, засмеет обоих.

Вернулась я в свою опочивальню, на кровать повалилась да так поверх перины и уснула — уморилась за день.

Утром Матрена в дверь постучала, разбудила:

— Вставай, хозяйка, уже третьи кочета песней солнышко порадовали, твой муж с воеводой давно за столом сидят, трапезничают! Выйдешь к столу аль велишь в опочивальню кушанье которое подать?

— Выйду, принеси только ковшик водицы студенной — глаза ополоснуть!

Матрена скоренько обернулась, помогла мне одеться, волосы расчесать. Чешет да все ахает:

— Красотища-то какая, чисто шелк золотой, так сквозь гребень и течет!

Заплела я косу, лентой перевила, в сундуке сарафан зеленый на меня сыскался. В трапезную лебедушкой величавой заплыла — хозяйка я али не хозяйка?! Кощей с воеводой за столом накрытым сидят, вокруг Прасковья Лукинишна суетится, потчует. Заметили меня — так и обомлели, впервые толком разглядев. Стряпуха руками всплеснула, Кощей косится недоверчиво, воевода и вовсе куском хлеба подавился, кашляет, глаз с меня не сводит.

А я и сама знаю, что хороша: коса ниже пояса, губки алые, очи зеленые, брови черные, стан тонкий, сзади — заглядишься, спереди — залюбуешься. Воевода с места подорвался, стул передо мной выдвинул:

— Откушай с нами, Василиса Еремеевна, укрась стол...

— Я,— отвечаю,— не петрушка с укропом — стол вам украшать.

Взяла и назло другой стул выдвинула, присела. Вот так всегда — только красу мою молодцы и видят, по ней и почет. А я, между прочим, еще и Премудрая — наш волхв только диву давался, как скоро я счетной и грамотной науке выучилась! Небось Марфуше бы стула не выдвинул...

Кощею же, видать, ни до ума, ни до красоты моей дела нет. Словно позабыл обо мне, с воеводой беседует, сидит за столом по-домашнему, у рубахи белой ворот нараспашку, рукава по локоть закатаны. Разглядела я наконец, что рука правая у Кощея поломана была, срослась неровно, оттого и слушается плохо. Кабы не седина да глаза колючие, никто б ему больше тридцати годков не дал, бессмертному.

Прасковья Лукинишна так вокруг Кощея и увивается, лакомый кусок подсунуть норовит:

— Костюша, испей молочка! А вот рябчик печеный с брусницей, отведай! Попробуй расстегайчиков с осетриной! Что ж ты пирожок с капусткой не ешь, касатик?

Непонятно мне сие: от батюшки моего волхв велит кушанья подальше ставить и медами хмельными вне очереди не обносить, потому как у царя мера в еде-питье такова: есть, сколь влезет, и пить, покуда закусь не всплывет, опосля чего всенепременно требует гусли, бренчит на них без ладу, горько плачет и заставляет бояр да послов ему подпевать. Наутро самолично обходит темницу и отмыкает тех бояр, что давеча пели нескладно, перед послами очень извиняется, особенно ежели которых за неуважение к пьяному царю на дыбе вздернуть успели.

Кощей же на кушанья глядит равнодушно, от каждого отщипнет да отставит, я и то больше съела. Зато воевода за троих уписывает, его и потчевать не надобно— руки загребушие через весь стол тянет.

— Съезжу-ка я, Кощей, в дружину, учения какие устрою, проверю, чем они там без меня занимались — на полатях лежали аль мечи держали.

— Поезжай,— отвечает Кощей,— заодно зашли в степь кого из парней пошустрее на коне легконогом, пускай поедит вокруг орды басурманской, повыспрашивает в селениях окрестных, не обижают ли их басурмане.

— А где ваша дружина? — не утерпела я.— Покамест слыхом не слыхать, видом не видать!

Кощею разговаривать со мной не в охотку, на воеводу глянул, тот мне отвечает:

— У дружины стан свой посреди поля широкого, чтобы не мешать никому и самих чтобы от дела ратного не отвлекали. Увидишь еще, успеется...

Тут стряпуха в разговор встряла:

— А что это Костюша дверь в опочивальню запи- рать начал, а? Я ему на зорьке оладушек пшеничных, молочка парного в постель принесла, а он изнутри затворился и на стук не отзывается, пока я голос не подала!

— Захлопнулась дверь... случайно... — неохотно про- ворчал Кощей, на меня взгляд косой кинул — не про- говорюсь ли? Я сор из избы выносить не горазда, смол- чала.— Нашел я в книге старинной заклятие одно по- лезное, да чернила от времени повыцвели, половину слов не разобрать, додумывать надобно. Прасковья Лу- киनिшна, ежели меня кто спрашивать будет — я в покое колдовском сыщусь, да без нужды, гляди, не тревожь.

— Ты, Костюша, поаккуратнее там,— просит стря- пуха,— а то прошлым разом весь терем дрянью ка- кой-то просмердел, челядь распугал и сам до зелени нанюхался, еле откачали...

— Что ты выдумываешь, Прасковья Лукинишна? — сердится Кощей.— Ну посмердело чуток и вывет- рилось...

— Выветрилось, как же! — бубнит неугомонная ста- руха.— От колдовства твоего один убыток — давеча щи варила, крышку с горшка сняла, а оттуда как по- лезет всяка пакость, гады ползучие да прыгучие, ужо я их половником бить умаялась, тьфу-тьфу, вспомнить противно!

Кощей в ответ огрызается:

— А ты реактивы у меня не таскай и щей ими не соли, сто раз говорил!

— Каки-таки ративы, что я, соли не спознаю? Взяла чуток, а ты уж крик поднял, чисто режут тебя...

— Хорошо еще, что сама тех щей прежде не отве- дала! — махнул рукой Кощей, да с тем и ушел, старуху не переспоривши.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

Пивовой	7
Хозяин	33
Умысел и домысел	69
Рой	102
Верность до гроба	143
СКАЗКА — ЛОЖЬ, УЗНАЙТЕ ПРАВДУ! <i>Повести</i>	
О бедном Кошее замолвите слово	219
Кому в навьем царстве жить хорошо	304